

ПРОЕКТ

«ПУТИН»

СЕРГЕЙ
КАРА-МУРЗА
ПУТИН
И ОППОЗИЦИЯ
КОГДА ОНИ СРАЗЯТСЯ НА РАВНЫХ

Сергей Георгиевич Кара-Мурза Путин и оппозиция. Когда они сразятся на равных Серия «Проект «Путин»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22181958

*Путин и оппозиция. Когда они сразятся на равных / Сергей Кара-Мурза: Алгоритм; Москва; 2016
ISBN 978-5-906880-35-2*

Аннотация

Сергей Георгиевич Кара-Мурза – один из самых известных и уважаемых российских авторов, пишущих на политические темы. В своей новой книге он задается вопросом: почему оппозиция не может выдвинуть из своих рядов ни одного лидера, который мог бы на равных тягаться с Владимиром Путиным? Понятно, что на Путина работает вся мощная машина государственной пропаганды, но дело не только в этом, считает С.Г. Кара-Мурза. Политическое действие оппозиции – всегда бунт, прежде всего бунт мировоззренческий, но сегодняшняя оппозиция Путину слаба в этом плане: у нее нет четкого мировоззрения, ее представления о будущем России неопределенны и размыты. Между тем только образ будущего собирает людей в народ, обладающий волей, считает автор; такой

образ создает саму возможность движения, задавая ему вектор и цель. Как произошло, что российская оппозиция не имеет всего этого, какими очевидными недостатками она обладает, каким образом ей избавиться от них и обрести, наконец, реальную способность влиять на политическую жизнь в нашей стране – на эти вопросы в книге даются подробные, обстоятельные ответы.

Содержание

В каком государстве мы живем	6
Государство не для народа	6
«Пирамида ожиданий»	22
Заложенные мины	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Георгиевич

Кара-Мурза

**Путин и оппозиция. Когда
они сразятся на равных**

© Кара-Мурза СТ., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

В каком государстве мы живем

Государство не для народа

Вот уже 25 лет правительства президентов Б.Н. Ельцина и В.В. Путина проводят программу перевода всех сторон нашей жизни на рыночные отношения. Множество ученых показали, что эта утопия недостижима нигде в мире, однако на Западе по законам рынка может действовать относительно большая часть человеческих взаимодействий. В России же тотальное подчинение рынку было бы убийственным и повлекло бы гибель большей части населения.

На эти вполне корректные, академические указания ни президенты, ни правительства не отвечают: они делают вид, будто всех этих трудов русских экономистов, географов, социологов, начиная с XIX века, просто не существует. Вся доктрина реформ в России игнорировала культурные различия как несущественный фактор. Ударом по ядру ценностей России как цивилизации стала попытка придать конкуренции статус высшей ценности. Временами эта попытка выходила за разумные рамки. При этом интеллектуалы, которых власть привлекала для этой миссии, затруднялись даже определить, о чем идет речь.

Вера в то, что западная модель экономики является един-

ственно правильной, доходила до идолопоклонства (если только она была искренней). Экономист В. Найшуль, который участвовал в разработке доктрины, даже опубликовал в «Огоньке» статью под красноречивым названием «Ни в одной православной стране нет нормальной экономики». Это нелепое утверждение. Православные страны есть, иные существуют по полторы тысячи лет почему же их экономику нельзя считать нормальной?

Странно как раз то, что российские экономисты вдруг стали считать нормальной экономику Запада недавно возникший тип хозяйства небольшой по населению части человечества. Если США, где проживает 5 % населения Земли, потребляют 40 % минеральных ресурсов, то любому овладевшему арифметикой человеку должно быть очевидно, что хозяйство США никак не может служить нормой для человечества.

Иногда пафос реформаторов доходил до гротеска, и в «Вопросах философии» можно было прочесть: «Перед Россией стоит историческая задача: сточить грани своего квадратного колеса и перейти к органичному развитию В процессе модернизаций ряду стран второго эшелона капитализма удалось стесать грани своих квадратных колес Сегодня, пожалуй, единственной страной из числа тех, которые принадлежали ко второму эшелону развития капитализма и где колесо по-прежнему является квадратным, осталась Россия, точнее территория бывшей Российской империи (Советско-

го Союза)».

Между тем, когда еще только набирала обороты реформа в России, один из ведущих исследователей глобальной экономики И. Валлерстайн писал специально для российского журнала: «Капитализм только и возможен как надгосударственная система, в которой существует более плотное ядро и обращающиеся вокруг него периферии и полупериферии».

Вопрос был вполне ясен, и господствующее меньшинство, представлявшее союз очень разных социальных групп России, сделало в конце 80-х годов сознательный исторический выбор. Он состоял в том, чтобы демонтировать народное хозяйство, которое обеспечивало России политическую и цивилизационную независимость, и стать частью периферии мировой капиталистической системы.

Давление евроцентризма на образованный слой России не раз приводило к тому, что и правящая верхушка, и оппозиционная ей интеллигенция отказывали отечественному хозяйству в самобытности и шли по пути имитации западных структур. Следствием, как правило, были огромные издержки или провал реформ, острые идейные и социальные конфликты. Результатом нынешней реформы стала быстрая утрата населением России ряда признаков цивилизации в сфере хозяйства, а через него и в других сферах.

Здесь важный урок. После сравнимых с нынешними разрушений от гитлеровского нашествия промышленность была восстановлена за два года, а хозяйство в целом за 5 лет.

В 1955 г. объем промышленного производства превзошел уровень 1945 г. почти в 6 раз, а сельского хозяйства почти в 3 раза. Между тем, до кризиса конца 2008 г. российская промышленность только-только вышла на уровень 1990 г., а сельское хозяйство в обозримом будущем вряд ли этого уровня достигнет.

Реформы длятся, повторим, уже 25 лет. Пора бы сделать надлежащие выводы, но власть продолжает упорно твердить альтернативы нет, и в этом уже чувствуется что-то маниакальное, если здесь не скрыто, конечно, осознанное стремление к разрушению России. Надо рассмотреть подробнее основополагающие установки власти и постараться понять, что они собой представляют, какой путь готовят стране и всем нам, и каким образом мы можем этому противодействовать.

* * *

Начнем наш разговор с важнейшей функции государства его заботы о народе (государственный патернализм). Идеологи российских реформ, исходя из концепции рынка как панацеи от всех бед, принципиально отвергли государственный патернализм в качестве одного из важных устоев социального порядка России. Эта установка сохранилась и после ухода Ельцина, что подчеркнул В.В. Путин уже в своем Послании 2000 года: «Политика всеобщего государственного патернализма сегодня экономически невозможна и полити-

чески нецелесообразна».

Это утверждение нелогично. Патернализм всегда экономически возможен, он не определяется величиной казны или семейного бюджета. Разве в бедной семье отец (патер) не кормит детей? Во время Гражданской войны Советское государство изымало через продразверстку примерно 1/15 продукции крестьянства, выдавало 34 млн. пайков и тем самым спасло от голодной смерти городское население, включая дворян и буржуев. Это и есть патернализм в крайнем выражении. Сегодня Российская Федерация имеет в тысячи раз больше средств, чем Советская Россия в 1919 году, а 43 % рожениц подходят к родам в состоянии анемии от плохого питания.

Утверждение, будто государственный патернализм политически нецелесообразен, никак не обосновано. Так говорят, да и то на практике не выполняют, только крайне правые политики вроде Тэтчер. А, например, русский царь или президент Рузвельт никогда такого бы не сказали. В чем же тогда сама цель государства России, если сохранить разрушающееся общество считается нецелесообразным?

Регулярные обещания адресной помощи как альтернативы патернализму есть социальная демагогия. Добиться адресной помощи даже в богатых странах удастся немногим (не более трети) из тех, кто должен был бы ее получать (например, жилищные субсидии в США получали в середине 80-х годов лишь 25 % от тех, кто по закону имел на них пра-

во). Проверка прав на субсидию и ее оформление очень дороги и требуют большой бюрократической волокиты даже при наличии у чиновников желания помочь беднякам. На деле именно наиболее обедневшая часть общества не имеет ни достаточной грамотности, ни навыков, ни душевных сил для того, чтобы преодолеть бюрократические препоны и добиться законной субсидии.

Строго говоря, без государственного патернализма не может существовать никакое общество. Отказ от патернализма и тотальная конкуренция идеологический миф неолиберализма. Даже венгерский экономист Я. Корнай, которого любили цитировать наши реформаторы, писал: Нулевая степень патернализма это идея, выдвинутая школой Фридмана-Хайека. Но даже при капитализме эта нулевая степень никогда не проявляется полностью. Атомизированная конкуренция и полностью предоставленная самой себе микроорганизация немислимы в наш век гигантской концентрации производства и усиления могущества государственной бюрократии. На эти неприятные замечания не обращали внимания.

Наш век и бюрократия тут ни при чем. Государство изначально возникло как система, обязанная наделять всех подданных или граждан некоторыми благами на уравнительной основе (или с привилегиями некоторым группам, но с высоким уровнем уравнительности). К таким благам относится, например, безопасность от целого ряда угроз. Богатые со-

словия и классы могли в дополнение к своим общим правам прикупать эти блага на рыночной основе (например, нанимать охрану или учителя), но даже они не могли бы обойтись без отеческой заботы государства. Государственный патернализм это и есть основание социального государства, которым называет себя Российская Федерация.

Формы государственного патернализма определяются общим социальным порядком и культурой общества. Они специфичны в разных цивилизациях. Например, хлеб как первое жизненное благо уже на исходе Средних веков даже на Западе был выведен из числа других товаров, и торговля им перестала быть свободной. Она стала строго регулироваться властью. В XVI веке в каждом крупном городе была Хлебная палата, которая контролировала движение зерна и муки. Дож Венеции ежедневно получал доклад о запасах зерна в городе. Если их оставалось лишь на 8 месяцев, выполнялась экстренная программа по закупке зерна за любую цену (или даже пиратскому захвату на море любого иностранного корабля с зерном с оплатой груза).

Если нехватка зерна становилась угрожающей, в городе производились обыски и учитывалось все зерно. Если купцы запаздывали с поставками, вводился уравнительный минимум. В Венеции около собора Св. Марка каждый горожанин до хлебным карточкам получал в день два каравая хлеба. Если уж нашим реформаторам так нравится Запад, то почему же они этого не видят? Ведь это один из важнейших его

устоев и источник силы. Попробовали бы там сказать вслух, что патернализм политически нецелесообразен!

Наши реформаторы в упор не видят того, как на Западе богатые научились уживаться со своим народом. Наши либералы не привержены очень важным либеральным ценностям или не вникли в их смысл. Ибо либерализм, как выразился сам Адам Смит, отвергает подлую максиму хозяев, которая гласит: Все для нас и ничего для других. При современном капитализме расходы на патернализм огромны. В среднем по 20 развитым странам (они входят в ОЭСР) субсидии, с помощью которых регулируют цены на продовольственные продукты, составляют половину расходов населения на питание. А в отдельных странах (например, Японии) дотации в иные годы составляют 80 % расходов на питание. И это именно политически целесообразно.

* * *

Однако В.В. Путин продолжает отвергать политику патернализма и приводит такой довод: «Отказ от нее диктуется стремлением включить стимулы развития, раскрепостить потенциал человека, сделать его ответственным за себя, за благополучие своих близких».

Вера, будто погрузить человека в обстановку жестокой борьбы за существование значит раскрепостить его потенциал, есть утопия. На деле все наоборот! Замечательным свой-

ством советского патернализма была как раз его способность освободить человека от множества забот, которые сейчас заставляют его бегать, как белка в колесе. Эта непрерывная суета убивает все творческие силы, выпивает жизненные соки. Это и поражало на Западе, когда удавалось поехать туда еще в советское время.

Спокойствие и уверенность в завтрашнем дне позволяют человеку плодотворно отдаться творческой работе и воспитанию детей вот тогда и раскрывается его потенциал. Это говорит не только советский опыт, по этому пути с опорой на государственный патернализм пошли Япония и страны Юго-Восточной Азии.

Опыт Российской Федерации показал, что стресс и гонка ведут к росту заболеваний, смертности и преступности и потенциал человека съезживается. Жители нынешней Российской Федерации живут в атмосфере нарастающих страхов перед потерей работы или ремонтом обветшавшего дома, перед разорением фирмы или техосмотром старенькой машины, перед болезнью близких, для лечения которых не найти денег. И уж самый непосредственный страх перед преступным насилием.

Однако установка на искоренение патернализма едва ли не самая устойчивая в правящей верхушке России. В статье «Россия, вперед!» (10.09.2009) тогдашний президент РФ Д.А. Медведев изложил представление о стратегических задачах, которые нам предстоит решать, о настоящем и бу-

душем нашей страны. Он сказал: «Должны ли мы и дальше тащить в наше будущее примитивную сырьевую экономику, хроническую коррупцию, застарелую привычку полагаться в решении проблем на государство Считаю необходимым освобождение нашей страны от запущенных социальных недугов, сковывающих ее творческую энергию, тормозящих наше общее движение вперед. К недугам этим отношу широко распространенные в обществе патерналистские настроения. Уверенность в том, что все проблемы должно решать государство».

С коррупцией и сырьевой экономикой все ясно (вопрос только в том, как ухитриться не тащить их в наше будущее). В этом стратегическом заявлении, видимо, главный смысл как раз в том, чтобы отказаться от патернализма застарелой привычки полагаться в решении проблем на государство.

Власть настойчиво представляет патерналистские настроения большинства граждан России как иждивенчество. Это поразительная деформация сознания, глубинное непонимание сути явлений. Как может быть народ иждивенцем государства? Похоже, что наши правители всерьез представляют власть каким-то великаном, который пашет землю, добывает уголь кормит и греет народ, как малое дитя. А ведь все проблемы решает именно народ, а государство выполняет функцию организатора коллективных усилий. И предметом нынешнего конфликта в России является перечень обязанностей, которые, согласно сложившимся представлениям боль-

шинства, должно взять на себя государство. А оно от этих обязанностей отлынивает!

Власть неприемлемо сужает понятие патернализма, распространяя его только на отношения государства и населения. В действительности народ всегда ожидал от государства отеческого отношения ко всем системам жизнеустройства России к армии и школе, к промышленности и науке. Все это творения народа, и им в России требуется забота и любовь государства. В этом срезе отношений государства и народа произошел столь глубокий разрыв, что он нанес почти всему населению культурную травму. Разоружение армии, демонтаж науки, деиндустриализация и купля-продажа земли все это воспринималось как уход государства от его священного долга. Это не просто потрясло людей, это их оскорбило. Возник конфликт не социальный, а мировоззренческий, ведущий к разделению народа и государства как враждебных этических систем.

Высшие руководители государства этого, похоже, просто не чувствуют. Как тяжело слышать, например, такие рассуждения В.В. Путина о критерии, которому будет следовать власть, оказывая поддержку предприятиям: «Право на получение поддержки получают лишь те, кто самостоятельно способен привлекать ресурсы, обслуживать долги, реализовывать программы реструктуризации».

Разве так поступают в семье? Бывает, что в трагических обстоятельствах нет возможности поддержать всех детей. Но

поддерживать лишь сильных и богатых критерий не просто странный, но небывалый. Обычно государство, заботясь о целом, поддерживает те системы, которые необходимы для решения критически важных для страны задач. Но именно такие коллективы обычно не способны самостоятельно привлекать ресурсы, поскольку ориентированы на проекты с высокой степенью риска и низкой экономической рентабельностью. Можно ли было, следуя изложенному выше критерию, осуществить в США или СССР атомные программы? Можно ли было развить мощную фундаментальную науку? Мы видим, что и здесь государство принципиально снимает с себя обязанность быть главой семьи.

В недавнем манифесте группы экономистов, предлагающих экономическую теорию, альтернативную неолиберальной доктрине Вашингтонского консенсуса, сказано: «Мы не можем обеспечить сколь либо долгосрочные экономические эффекты, не создав длительно существующую, сильную и жизнеспособную политическую и этническую общность. В этом отношении политические и этнические элементы такой общности должны быть предпосланы экономическим даже в решении экономических проблем. А сколь либо устойчивая и жизнеспособная политическая общность, в свою очередь, не может существовать, не будучи на практике работающей социальной общностью, которая основана на разделяемых корневых ценностях и сходном понимании справедливости короче говоря, которая не является в то же время мо-

ральной общностью».

Таким образом, уход государства от выполнения спланирующей функции, ценностный конфликт с большинством населения разрывают узы горизонтального товарищества и раскалывают ту моральную общность, которая только и может создать умную экономику.

Вот выдержка из старого дореволюционного российского учебника по гражданскому праву: «Юридическая возможность нищеты и голодной смерти в нашем нынешнем строе составляет вопиющее не только этическое, но и экономическое противоречие. Хозяйственная жизнь всех отдельных единиц при нынешней всеобщей сцепленности условий находится в теснейшей зависимости от правильного функционирования всего общественного организма. Каждый живет и дышит только благодаря наличности известной общественной атмосферы, вне которой никакое существование, никакое богатство немислимы. За каждым должно быть признано то, что называется правом на существование. Дело идет не о милости, а о долге общества перед своими сочленами: каждый отдельный индивид должен получить право на свое существование. Конечно, осуществление права на существование представляет громадные трудности, но иного пути нет: растущая этическая невозможность мириться с тем, что рядом с нами наши собратья гибнут от голода, не будет давать нам покоя до тех пор, пока мы не признаем нашей общей солидарности и не возьмем на себя соответственной реальной

обязанности».

В этом разделе учебника, во-первых, отрицается способность рынка оценить реальный вклад каждого человека в жизнеобеспечение общества. Во-вторых, утверждается всеобщее право каждого на получение минимума жизненных благ на уравнительной основе именно как право, а не милость. И это право в современном обществе должно быть обеспечено государством, а не благотворительностью.

Наконец, утверждается, что уравнительное предоставление минимума благ в условиях России начала XX века является не только этически обязательным, но и экономически целесообразным. В России реформаторы конца XX века, напротив, стали выбрасывать из общества бедных. Это был исторический выбор, сделанный без общественного диалога. Так был задан определенный вектор, и явного осознанного отказа от него до сих пор не произошло.

* * *

В российском обществе бедность является социальной болезнью. Для ее лечения необходим рациональный подход с установлением диагноза, выяснением причин и отягчающих обстоятельств, разумный выбор лекарственных средств и методов. Но если нет рационального представления о проблеме, то значит, не может быть и рационального плана ее разрешения.

В России сегодня даже нет языка, более или менее развитого понятийного аппарата, с помощью которого можно было бы описать и структурировать проблему бедности. Есть лишь расплывчатый, в большой мере мифологический образ, который дополняется метафорами, в зависимости от воображения и вкуса оратора. Соответственно, нет и более или менее достоверной фотографии нашей бедности, ее карты.

Своей бесчувственностью в социальной политике власть создала большую угрозу, которая уже действует и перемалывает российское общество. В 90-е годы государство проявило такой тип жестокости, какого мы уже и не предполагали в людях. Иногда казалось, что мы во власти инопланетян. Выступает политик, говорит о реформе ЖКХ. Кажется, если бы ты смог протянуть к нему руку через телеэкран и дернуть его за щеку кожа отслоилась бы, а под ней чешуя ящера с неизвестной планеты.

Уже на первых этапах реформы власть проявила столь безжалостное отношение к населению, что даже академик Г.А. Арбатов посчитал нужным отмежеваться от правительства реформаторов: Меня поражает безжалостность этой группы экономистов из правительства, даже жестокость, которой они бравируют, а иногда и кокетничают, выдавая ее за решительность, а может быть, пытаюсь понравиться МВФ.

Без диалога и ясной программы, на базе которой возможен общественный договор и общие усилия, преодоление кризиса невозможно. Но первое условие такого догово-

ра отказ от превращения России в джунгли конкуренции, от стравливания людей в звериной борьбе за выживание. И первый шаг ограничение законов рынка в социальной сфере, поворот к восстановлению отношений государственного патернализма.

Согласно наблюдениям А. Тойнби, элита способна одухотворять большинство, лишь покуда она одухотворена сама. Ее человечность в отношении большинства служит залогом и одновременно показателем ее одухотворяющей силы. С утратой этой человечности элита, по выражению Тойнби, лишается санкции подвластных ей масс.

«Пирамида ожиданий»

Человек живет в искусственном мире культуры. Важная его часть мир вещей. Он неразрывно связан с миром идей и чувств, человек осознает себя, свое положение в мире и в обществе по тому, какими вещами владеет и пользуется. Вещи символы отношений. Воздействуя на отношение людей к вещам, можно изменить и их отношение к людям, к стране, к своей собственной жизни. Отношение людей к вещам один из главных фронтов борьбы за души людей.

Последние двадцать пять лет граждане России были объектом небывало мощной и форсированной программы по созданию и внедрению в общественное сознание новой системы потребностей. В ходе этой программы сначала культурный слой и молодежь, а потом и основную массу граждан втянули в то, что называют революцией притязаний. То есть добились сдвига к принятию российскими гражданами постулатов и стереотипов западного общества потребления.

Масса людей стала вожделеть западных стандартов потребления и считать их невыполнение в России невыносимым нарушением прав человека. Так жить нельзя! вот клич человека, страдающего от невыполнимых притязаний. Чтобы получить шанс, пусть эфемерный, на обладание вещами как на Западе, надо было сломать многие устои российской цивилизации, отбросить многие заданные ею нравственные

ограничения.

В обыденном сознании укоренилось представление, что потребности даны человеку объективно, что они естественны. Человеку нужна пища, одежда, жилище и т. д. Слово объективно можно принять с оговорками если учесть, что имеется в виду объективность социального бытия, выскочить далеко за рамки которого отдельный человек не может. Но естественными потребности человека считать никак нельзя. Это ошибочное представление.

Человек создан культурой, и его потребности также продукт культуры. Биологические потребности человека как живого существа очень невелики. Они даже подавляются культурой большинство людей скорее погибнет от голода, чем станет людоедами.

На самых ранних стадиях развития человеческого общества люди жили собирательством и охотой. Материальные потребности у них были еще неразвиты, и на их обеспечение было достаточно потратить около двух часов в день. Это был век изобилия, и люди имели много времени для досуга, который использовали, чтобы созерцать мир, совместно создавать большие мифологические системы и музыку, заниматься наскальной живописью.

Новые материальные потребности создавались обществом в его развитии как стимул для более интенсивного и продолжительного труда в выполнении общих задач. Они не были предписаны природой человека, а были обусловлены

социально исходя из целей данного конкретного общества в данный исторический момент.

В любом обществе круг потребностей меняется, идет обмен вещами и идеями с другими народами. Это создает противоречия, разрешение их требует развития и хозяйства, и культуры. Уравновешивают этот процесс разум и совесть людей, их исторический опыт, отложившийся в традиции. Любой народ, чтобы сохраниться, должен обеспечить безопасность национального производства потребностей от вторжения чужих программ-вирусов. Обновление системы потребностей как части национальной культуры должно вестись в соответствии с критериями, которые нельзя отдавать на откуп чужим.

Между тем именно навязывание другому народу специально созданной, наподобие боевого вируса, системы потребностей является одним из главных средств ослабления и подчинения этого народа. Так, например, англичане произвели захват Китая в XIX веке. Все попытки соблазнить китайцев западными товарами были безуспешны от имени императора послов и купцов благодарили за подарки и хвалили эти занимательные штучки, но отвечали, что надобности в них у китайцев нет. Англичанам пришлось вести тяжелые войны, чтобы заставить Китай разрешить на его территории торговлю опиумом, который для этого стали производить в Индии. С этого и началось с сильного наркотика, потом пошли в ход более слабые (граммофоны, чайники со свистком

и пр.). Как известно, животное хочет того, в чем нуждается, а человек нуждается в том, чего хочет.

Экспорт потребностей одно из важных средств в экономической войне цивилизаций. Слаборазвитость и есть такое состояние культуры, когда элита становится компрадорской, то есть тратит национальные ресурсы на покупку зарубежных товаров для собственного потребления, а массы с таким положением соглашаются, потому что надеются вкусить хоть немного от зарубежных благ.

* * *

В прошлом сильнейшим барьером, защищавшим местную (реалистичную) систему потребностей, были сословные и кастовые рамки культуры. Таким барьером, например, было закрыто крестьянство в России. Крестьянину и в голову бы не пришло купить сапоги или гармонь до того, как он накопил на лошадь и плуг, он ходил в лаптях. Так же в середине века было защищено население Индии и в большой степени Японии. Позже защитой служил мессианизм национальной идеологии (в СССР, Японии, Китае). Были и другие защиты у нас, например, осознание смертельной внешней угрозы, формирующей потребности окопного быта.

Процесс внедрения невозможных потребностей протекал в СССР начиная с 60-х годов, когда ослабевали указанные выше защиты. Но обвально они были обрушены в годы пе-

рестройки под ударами всей государственной идеологической машины. При этом новая система потребностей была воспринята населением не на подъеме хозяйства, а при резком сокращении местной ресурсной базы для их удовлетворения. Это привело к быстрому регрессу хозяйства с одновременным культурным кризисом и распадом системы солидарных связей. Монолит народа рассыпался на кучу песка, зыбучий конгломерат мельчайших человеческих образований семей, кланов, шаяк.

В ходе довольно длительной культурной кампании в наше общество были импортированы и внедрены в сознание потребности, якобы удовлетворенные на Западе. При помощи прямых подлогов и недоговоренностей было создано также убеждение, что этот комплекс потребностей может быть удовлетворен и в России надо только перестроить наш дом, главные структуры жизнеустройства. В дальнейшем это убеждение обрушилось и превратилось в более хищную, но реалистичную формулу: кое-кто в России может потреблять так же, как на Западе. Но потребности остались, они обладают большой инерцией.

В какой же коридор загнали жизнеустройство России после 1991 года? Для нашей темы главное изменение сводится к следующему: в России резко (за два года вдвое) сократились инвестиции, вложения средств в поддержание и воспроизводство основных фондов всей материальной базы страны. Соответственно, стало снижаться производство всех

благ. Это снижение производства, выражаемое величиной ВВП, происходило медленнее, чем сокращение инвестиций, основные фонды какое-то время остаются дееспособными и без ремонта и обновления.

Самый главный для нас факт состоит в том, что при этом потребление благ сократилось несущественно. Его можно представить показателем розничного товарооборота покупок товаров населением. Конечно, при новом образе жизни внутри населения произошло резкое расслоение на тех, кто подтянул пояса и стал потреблять меньше, и на тех, кто стал жрать в три горла и заполнять свои квартиры и дачи ненужным дорогим барахлом. Но если взять Россию в целом, то в 1999 г. инвестиции составили 22 % от уровня 1990 года, ВВП 58 %, а розничный товарооборот 87 %.

Режим Ельцина перенастроил Россию на проедание накопленного национального богатства (основных фондов). За счет чего же обеспечивалось поддержание потребления на уровне 87 % от 1990 года, что намного превышает индекс ВВП? За счет импорта, оплаченного сырьем и распродажей части основных фондов. Ясно, что такая жизнь долго продолжаться не может, т. к. быстрее всего проедается будущее. Это воровство у будущего не так заметно, потому что еще не родившиеся дети не просят есть. Но проедается и настоящее набирает темп разрушение производственной базы, оставшейся без инвестиций, и для поддержания уровня потребления приходится сокращать численность ртов. Мягкий метод

известен превышение смертности над рождаемостью. Народ, потребляющий намного больше, чем производит, вымирает неминуемо. Насчет законов Мальтуса еще можно поспорить, а закон сохранения веществ нарушить не получается.

* * *

От новой власти, которая всем казалась альтернативой Ельцину, ожидалась восстановительная программа. Требовалось срочно остановить деградацию материально-технической базы производства и систем жизнеобеспечения (прежде всего ЖКХ). Надежды на такой поворот подогревались той манной небесной в виде нефтедолларов, которая вдруг пролилась над Россией.

Да, толика этого дождя оросила экономику инвестиции стали слегка увеличиваться, хотя львиная доля их пошла не на воспроизводство целостной системы хозяйства, а в создание новой России. 54 % всех инвестиций были направлены в три отрасли: добычу топливно-энергетических ресурсов; транспорт и связь; операции с недвижимым имуществом, аренду и предоставление услуг. А, например, машиностроение, объем производства в котором (исключая автомобилестроение) сократился в шесть раз, получило только 1 % инвестиций.

Из сравнения динамики инвестиций и потребления напрашивается вывод, что народная любовь к нынешней вла-

сти зиждется на том, что власть задобрила половину населения. Задобрила тем, что изъяла из хозяйства и кинула этой половине в качестве отступного некоторую долю национального достояния на пропой и на импортное барахло. Цена этого сговора: износ основных фондов, деградация ЖКХ, здравоохранения и образования, тяжелое массовое пьянство и подрезание всех корней модернизации и развития. Россия погружается в безнадежность. Ельцин на такое не решился, потому и любви не снискал и до конца второго срока не досидел. Была в глубине его темной души капелька чувства хозяина...

Реальность нам известна: дом перестроили так, что отдали хозяйство на поток и разграбление. В результате множество людей не могут удовлетворить даже самые обычные, традиционные жизненные потребности. Но при этом и несбыточные остались! И оттого, что несбыточность их очевидна, но в то же время отвергается сердцем, люди испытывают сильный стресс, который и разрушает структуры сознания. Система потребностей обладает инерцией и воспроизводится, причем, возможно, во все более уродливой форме.

Поэтому даже если бы удалось каким-то образом вновь поставить эффективные барьеры для экспорта соблазнов, внутреннее противоречие не было бы разрешено. Ни само по себе экономическое закрытие России, ни появление анклавов общинного строя в ходе нынешней ее архаизации не подрывают воспроизводства потребностей идолопоклонни-

ка. Таким образом, у нас есть реальный шанс зачахнуть, превратившись в слабо развитое общество. Еще немного и новое население России ни по количеству, ни по типу сознания и мотивации уже не сможет не только осваивать, но и держать территорию. Оно начнет стягиваться к центрам комфорта, так что весь облик страны будет быстро меняться.

Переход к импортированным из иного общества несбыточным потребностям – это социальная болезнь. Болезнь эта страшна не только страданиями, но и тем, что порождает порочный круг, ведущий к саморазрушению организма. Разорвать этот круг нельзя, потакая больному частично удовлетворяя его несбыточные потребности за счет сограждан, или улучшая понемногу все стороны жизни. Противоречие объективно чревато катастрофой раскол общества и расщепление каждой личности создают напряжение, которое может разрядиться ползучей (молекулярной) гражданской войной. России грозит гражданская война постмодерна, порожденная революцией притязаний.

Заложенные мины

Мы переживаем Смутное время, а это разброд и шатание. Но есть тема, о которой думают все, что же будет с Родиной и с нами? И есть в этой теме общий подход люди пытаются разглядеть и понять угрозы для России. Предупрежден значит вооружен. Это оружие всем нам необходимо, чтобы провести через цепь опасностей и Родину, и наших близких, за кого мы в ответе.

Будем говорить о тех угрозах, которые составляют ядро системы опасностей для России. Какие-то мы унаследовали от проклятого прошлого, которое уходит в туманные времена Киевской Руси, но большая часть порождена на наших глазах, за последние двадцать лет.

Доктрина реформ предполагала высокую степень риска для всех систем страны. Делалось это осознанно или как печальная необходимость при разрушении империи зла задача для следователей. Нас же интересует суть дела: как угрозы зарождались и развиваются, по каким признакам их можно обнаружить и оценить, каков потенциал каждой из них и с какой скоростью он наращивается, в каком месте реализуется опасность и что ей можно противопоставить.

В целом, мины, заложенные при Горбачеве и Ельцине, дозревают до того, чтобы начать рваться только сейчас. Главный вал отказов, аварий и катастроф придется на то поко-

ление, что сегодня входит в активную жизнь. Большинство опасностей, предсказанных специалистами при обсуждении доктрины реформ в начале 90-х годов, проявились. Однако их развитие оказалось более медленным, чем предполагалось. Большие системы, сложившиеся в советское время, обладают аномально высоким запасом прочности. Природа этой устойчивости не выявлена, и ресурсы ее не определены. Это создает опасную неопределенность, поскольку исчерпание запаса прочности может быть лавинообразным и момент его предсказать трудно.

Природа и источники рисков и угроз в условиях нашего кризиса не стали предметом ни научных исследований, ни общественного диалога. Исследования, беспокоящие реформаторов, были свернуты, специалисты разогнаны. Не сложилось интеллектуального сообщества, которое могло бы судить об угрозах, исходя из норм научной добросовестности. Ячейки таких исследований ушли в катакомбы.

Перечень угроз можно сделать длинным или коротким на деле все они есть просто разные грани большой угрозы бытию России. Но сначала надо сказать об фоне, на котором зреют угрозы. Свойство разумного человека способность предвидеть угрозы. Для этого необходим навык рефлексии обращения назад. Первым шагом к общему кризису у нас и стало отключение памяти и рефлексии как будто в конце 80-х годов кто-то сверху щелкнул выключателем. Информация об угрозах стала активно отвергаться.

На всех уровнях общества всегда имеется карта угроз, как-то выраженная. Она всегда не вполне достоверна и отстает от жизни. Но в моменты резкого слома порядка эта карта может стать совсем негодной. Следуя ей, мы попадаем в положение командира, который в тумане ведет свой отряд по карте вообще другого района. Он не видит угроз, они возникают внезапно.

Это и есть база нашей проблемы, ее нулевой уровень наше сознание утратило навыки предвидения угроз. Мы стали отключать системы сигнализации об угрозах, одну за другой, чтобы не мешали празднику жизни. Ликвидировали структуры, созданные для обнаружения и предотвращения угроз. Общество заболело чем-то вроде СПИДа. Ведь он и выражается в отключении первого контура системы иммунитета механизма распознавания проникших в кровь веществ, угрожающих организму.

В стране отключена сама функция распознавания угроз, подорваны необходимые службы и испорчены инструменты.

С учетом этого и начнем разговор.

* * *

В 90-е годы наше общество утратило навык предвидения угроз настолько, что в обиход вошел термин синдром самоубийцы. Операторы технических систем совершали цепочку недопустимых действий, как будто специально хотели устро-

ить катастрофу. Вот, на шахте взрыв метана, погибли люди. Был неисправен какой-то датчик, подавал ложные сигналы. Его просто отключили. Не помогло, сигналы беспокоили и последовательно отключили 23 анализирующих устройства.

Так вели себя люди в самых разных делах, это был признак общей беды. От травм, случайных отравлений и несчастных случаев у нас стало гибнуть очень много людей по 400 тысяч человек в год. Заговорили даже, будто дело в нашей природной неспособности жить в мире техники. Это ерунда, речь идет об общем кризисе индустриального общества. Нас от этого отвлек социальный кризис 90-х годов, но пора задуматься.

Техносфера, в которой живет человек, дозрела до такой плотности, что опасностям в ней стало тесно, и они полезли из нее, как перекишшее тесто. В Европе сейчас только хлора накопилось более 20 тысяч летальных доз на каждого жителя. Интенсивность потоков энергии и опасных материалов такова, что сама технология может быть превращена в оружие массового уничтожения. Но беда не в технике, а в том, что городской человек не умнел в том же темпе, что росли опасности, и сейчас его сознание не соответствует структуре и масштабам угроз.

В чем же дефект? В том, что в основу индустриального разума была положена иллюзия, что мироздание это машина. Все в ней предопределено и поддается расчету. Бог часовщик завел пружину мироздания и больше не вмешивается,

часы тикают в полном порядке. Возникла теория рынка как такой машины, эта же модель положена в основание Конституции США сдержки и противовесы держат ее в равновесии. Такой машиной, наподобие часов (или насоса), представлялся и человек. Это мировоззрение породило безответственность. Если вокруг простые машины, все предсказуемо, то нечего опасаться, невидимых угроз мир не таит.

Так возникла цивилизация огня и железа, ее кумиром стал Прометей титан, воплощение культа силы и техники. Человек посчитал себя всемогущим, вновь обрел свое языческое Я. Так был выброшен дар предвидения угроз. Идея свободы затоптала ответственность, идея прогресса память. Слепые вели слепых, и мир свалился в яму нынешнего кризиса. В России все кризисы Запада происходят в самой бурной форме. Теперь глотнули неолиберализма, больного учения уже больного Запада. Судя по всему, поправимся, но сильно исхудаем.

Люди осознают себя как народ в сравнении с другими народами, как мы и они. Для сравнения в качестве иных берутся народы, которые оказывают большое влияние на нашу судьбу. Начиная с XVI века такими для русских стали народы Запада (немцы). С Запада приходили теперь захватчики, несущие главные угрозы для России, оттуда же приглашали учителей. К Западу русские относились с напряженным вниманием, перенимая у них многие идеи и технологии. По поводу отношения к Западу среди русских шел непрерывный

диалог и возникали конфликты, так что даже оформились два течения западники и славянофилы.

Ненависть к Западу никогда не была стержнем самосознания русских. От этого нас уберегла история – во всех больших войнах с Западом русские отстаивали свою независимость, а в двух Отечественных войнах одержали великие победы.

Это укрепило не только русский народ, но и ту нацию, которая складывалась вокруг него в России и СССР. Кроме того, самосознание русских в их сравнении с Западом укреплялось успехами в культурном строительстве: большинство русских чувствовали себя, в главном, на равных с Западом.

Не слишком задумываясь об этом, русские считали себя самобытной цивилизацией, как это принято и в мировой науке. К концу XX века мы подошли с определенным мнением о Западе, и особенно о США, как об ином, задающем координаты для нашего самоосознания. Это мнение выражали духовные авторитеты народа, начиная с Гоголя и Пушкина.

Да, многое есть у Запада, чем можно восхищаться, но есть и неприятие, возникшее с отходом его от православного представления о человеке. Это сочетание делало вдвойне важной роль Запада как иного для самосознания русских, поднимало его образ на высокий уровень.

Антиправославный дух Запада играл в нашей жизни большую роль. Особым воздействием заразительного дыхания Запада на Россию были провоцируемые им расколы обще-

ства и, говоря современным языком, национальные предательства тяготеющей к Западу части элиты. Вторжение в русскую жизнь западного капитализма с конца XIX века вызвало особенно тяжелый раскол и довело до революции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.